СТАТЬИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

ИЗ ОБОРОННОГО ОПЫТА СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ананьев Б.Г.

Впервые опубликовано в журнале «Советская педагогика». 1943. № 2-3

За двадцать пять лет советской власти психологической наукой в СССР пройден длительный и противоречивый путь развития. Многие попытки преодоления идеализма в начальный период советской психологии были ещё очень далеки от марксистско-ленинской теории и носили механистический характер. Экспериментальные методы, применявшиеся в психологии, в течение долгого времени сохраняли печать интроспекционизма или механистического объективизма. В наследство от «царской» науки советская психология получила десяток учёных, допотопные лаборатории (за единственным исключением Московского психологического института), невероятную экспериментально-техническую отсталость. Замечательные передовые традиции отечественной науки были настолько задушены, изгнаны из официальной русской психологии, что потребовались многие годы для того, чтобы их возродить и развить на основе новой, советской психологии.

Естественно поэтому, что первоначально советская психология принадлежала к числу наиболее отставших наук в творческом развитии советского теоретического знания. Таково было исходное состояние советской психологии на протяжении ряда лет. Напряжённый коллективный труд советских учёных, под руководством большевистской партии, обеспечил, однако, коренной перелом в марксистско-ленинской перестройке нашей науки. Забота советского государства о науке способствовала созданию целого ряда психологических лабораторий с первоклассным оборудованием, выращиванию новых научных кадров, обогащению отечественной и мировой науки серьёзными, знаменательными открытиями.

Полная и всесторонняя победа последовательного, т. е. диалектического, материализма в нашей науке – таков основной итог успешного развития советской психологии, преодолевшей на своём пути многие противоречия и трудности.

В последние годы особенно развернулись творческие силы советских психологов. Автору настоящей статьи пришлось подвести черту мирного развития советской психологии[1] незадолго до того, как коварный и подлый враг ворвался в пределы нашей родины. Расцвет психологической науки в СССР, её теоретическая зрелость, достижение ею уровня передовой науки – таков был вывод нашего краткого исторического обзора текущего развития советской психологии. Н. А. Рыбников, которого будущее назовёт с благодарностью летописцем советской психологии, собрал в Московском психологическом институте исключительную документацию этого великолепного расцвета сил нашей науки. Не случайно поэтому произошёл впервые в истории отечественной науки, факт – создание в системе организованной вновь Академии Наук ССР Грузии специального психологического сектора во главе с академиком Д.Н. Узнадзе. За свою историю отечественная психология не имела капитального труда, действительно подводившего итоги в области психологического знания (не считая известной работы И. Н. Ланге, обобщившего достижения западноевропейской мысли до преимущества). Тем более знаменательно, что в конце 1940 г. был опубликован капитальный труд «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна, в котором оригинальная система советской психологии и коллективный труд советских психологов нашли своё блестящее воплощение.

Будущий историк отметит эту работу как основную веху достижения советской психологией теоретической зрелости и уровня передовой науки. Теоретические успехи советской психологии обеспечили эффективное разрешение ряда практических вопросов в области народного образования (дошкольного, школьного воспитания и обучения), здравоохранения (диагностики и терапии нервно-психических болезней), искусства, физкультуры и спорта.

В этих практических достижениях (быть может, впервые) сказалась теоретическая зрелость и передовой уровень, достигнутые психологической наукой в СССР.

Этот факт получил высокое признание со стороны партии и правительства, всей советской страны. Известно, что единственная сталинская премия по философским наукам была присуждена С.Л. Рубинштейну за его труд «Основы общей психологии», воплотивший в себе лучшие достижения советской психологии.

Вместе со всей советской культурой наша наука с честью выдержала тяжёлое испытание войной, навязанной нашей родине кровавым фашистским вандализмом.

Весьма важно для будущего науки, что в тяжёлые дни войны советские психологи нашли в себе силы продолжать теоретические исследования по общим проблемам. Это имело и имеет место не только в глубоком тылу, но и на прифронтовых участках страны. Невольно вспоминаешь грозные для Ленинграда дни августа – ноября 1941 г., когда враг бешено рвался к великому городу, окружал его огненным кольцом и (казалось врагу) нестерпимыми лишениями, но разбивался силой героической стойкости. В эти дни психологи Ленинграда делили время между научной работой и несением службы МПВО в своих учреждениях и домах, продолжали теоретические изыскания и особенно упорно стремились обнаружить в мировой и отечественной науке всё то, что могло помочь любимому городу и всей родине. От скромных рядовых работников, проявивших в эти дни особенно яркие дарования и стойкость духа, до руководителей ленинградских психологических коллективов развернулись во весь рост потенциальные силы ленинградцев-психологов. Вспоминаешь работников Института мозга – Н.К. Гусева, Л.А. Шифмана, С.Е. Драпкину и других, под бомбёжкой и артиллерийским обстрелом открывавших новые главы теории потребностей, гаптики и болевой чувствительности, пространственно-слухового различения. Вспоминаешь в те дни С.Л. Рубинштейна, руководившего крупнейшим вузом города и обороной объекта, вместе с тем неустанно погружённого в разрешение основных теоретических проблем психологии. Нельзя забыть высокого воинского духа талантливого зоопсихолога Г.С. Рогинского, ушедшего добровольцем на фронт рассчитаться боевым оружием с ненавистной расовой «теорией»; молодого сотрудника Н.М. Караенко, ставшего одним из наших активных организаторов МПВО родного Петроградского района. В самые тяжёлые минуты все эти люди, патриоты родины и города Ленина, оставались патриотами советской науки и не забывали о прекрасном будущем её, защищая всеми своими силами каждую крупицу родной земли.

О героических днях обороны Москвы и участии в ней научных работников напишут участники. Нам, ленинградцам, она была так же близка, как защита нашего родного города. Поэтому с гордостью услышали мы о том, как энергично проявили себя наши товарищи в Москве, как много творческой инициативы и боевого духа было вложено в общее великое дело.

Нам, к сожалению, мало известно из всего того, что стало уже героической историей. Но разве можно не написать о том, что исследователь проблемы восприятия и понимания пространства, которому оставалось лишь подвести черту в своей докторской диссертации, Ф.Н. Шемякин, – оставил ее и ушёл добровольцем на фронт, а жена его, А.Я. Колодная, оставшись на научном посту, открывает новую главу в этой диссертации, посвященную пространственным нарушениям при боевых травмах головного мозга. Рыбников не только продолжал свою обычную историографическую работу, но и проявил исключительную настойчивость и инициативу в установлении внутрисоюзных научных связей в новых изменившихся условиях, в организации научных выставок и т. д.

Из других городов поступают сведения о том, что психологи и там продолжают свою теоретическую работу. Разрабатывают историко-психологические проблемы, научное наследство И.М. Сеченова (Золотарёв в г. Горьком), Ушинского (Касимов в г. Казани), передовых мыслителей Грузии (Прангишвили в Тбилиси) и т. д.

Именно в настоящее время развернулась со всей полнотой работа Грузинской Академии Наук по психологии, руководимая Д.Н. Узнадзе. Продолжая разрабатывать вопросы теории установки, грузинские психологи с успехом занялись наиболее важными вопросами психологии

военного времени. Целый комплекс вопросов военной психопатологии представлен в ряде исследований Натадзе (о посткоммоционных изменениях мышления), Нуракидзе (о роли преморбидной личности в образовании посткоммоционных состояний), Бэкалавы (о психологических приёмах распознавания симуляции). Ценный анализ психологической природы паники проделан Прангишвили, доказавшего ошибочность традиционного понимания паники, как индивидуальной реакции страха. На основании его исследования можно заключить, что в основании паники лежит реакция личности на разложение коллектива и что поэтому прочность и стойкость коллектива исключает возможность образования паники, несмотря на переживаемые отдельными личностями состояния моральной неустойчивости и страха. Вывод этого исследования с исключительной очевидностью подтверждается опытом Великой отечественной войны и особенно – героической обороной Одессы, Севастополя, Ленинграда, Москвы, Сталинграда.

По-новому звучит и антропогенетическая работа Н.Ю. Войтониса по изучению генезиса интеллектуального и трудового поведения у обезьян, проводимая им в психологическом секторе Академии Наук Грузии. Выводы этой работы с очень большой остротой направлены против варварской антинаучной «расовой теории» фашизма.

Психологический коллектив акад. Узнадзе проводит значительную и важную работу для всей советской психологии. В 1942 г. был опубликован первый том трудов Академии Наук Грузии по психологии и подготовлен к печати второй. В октябре 1942 г. с большим успехом прошла специальная сессия Академии Наук ГССР, посвященная вопросам психологии, на которой выступили с докладами по вопросам военной психологии академик Узнадзе, профессора Натадзе, Войтонис и автор данной статьи, старшие научные сотрудники Прангишвили, Нуракидзе, Бэкалава.

А.Р. Лурия поставил в сентябре 1941 г., перед НКЗ СССР вопрос о создании в глубоком тылу специального эвакогоспиталя для целей восстановления нервных и психических функций у раненых и больных (при травмах нервной системы на фронте). В задачу этого эвакогоспиталя - научного института входила также разработка научных принципов трудоустройства инвалидов отечественной войны. С целой группой врачей и психологов (московских и украинских) А.Р. Лурия практически организовал это первостепенной важности лечебно-научное учреждение, первые сведения о работе которого уже опубликованы[2]. Оборонный опыт коллектива А. Лурии должен быть уже сейчас шире освещен в печати для психологов, ровно как опыт коллектива Д. Узнадзе.

С этой же целью информации товарищей по науке считаем нужным сообщить кратко некоторые данные о подобном опыте психологического отдела Института мозга им. Бехтерева.

С первых же дней войны коллектив Института перестроил свою работу, используя накопленный опыт в разработке двух проблем: а) проблемы пространственного различения, в свете которой отделом была проведена фундаментальная работа по пространственному цветоведению (для Управления строительством Дворца Советов), и б) проблемы факторов сенсибилизации (повышения чувствительности) человека в связи с диалектикой взаимоотношения ощущения и мышления.

Уже в июле 1941 г. были начаты работы оборонного характера в этих же двух направлениях, что позволяло с максимальной продуктивностью использовать научные кадры и научно-методический аппарат отдела.

По нашей, инициативе МПВО Ленинграда поручило проведение специальной работы по маскировке постоянных, сооружений экспериментальной группе, состоявшей из психологов Института мозга им. Бехтерева и архитекторов Управления Ленинградского Совета.

Группе, работавшей под моим руководством, в составе Гусева, Каничевой, Бергенблит, Зотова (и ряда архитекторов), пришлось проделать работу, имевшую не только практически-оперативное значение в те напряжённые для города дни, но и теоретическую значимость для общей психологии восприятия пространства.

Другое направление наших работ заключалось в постановке новых вопросов восстановления психосенсорных функций (особенно пространственного слуха, осязания, цветоразличе-

ния) при закрытых травмах головного мозга. Нам приходилось одновременно исследовать новые, ранее не изучавшиеся формы психосенсорных нарушений при военных черепно-мозговых травмах и, вместе с тем, практически воздействовать на них, восстанавливая специальными психологическими приёмами нарушенные психосенсорные функции. В тяжёлых условиях прифронтового лечебного учреждения эту работу проводили: Шифман, Давыдова, Драпкина, Кауфман. Опыт этой работы, вытекавший из нашего понимания сенсорных функций человека, показал нашему коллективу и убедил его в том, что задача восстановления нарушенных боевыми травмами нервнопсихических функций составляет первостепенную задачу психологии военного времени. Разрешение именно этой проблемы и составило содержание моей личной работы. Уже год непрерывно я работаю как исследователь, и как практический работник неврологических эвакогоспиталей над вопросами восстановления речи, памяти, воли и характера у больных, получивших как ранения, так и контузии – коммоции головного мозга. Как показала практика, на основе принципов теории советской психологии удаётся создать не только новые приёмы дифференциальной диагностики психокортикальных нарушений, но и новые приёмы лечения, устраняющие в быстрые сроки эти нарушения. Работая в условиях тыловых и прифронтовых эвакогоспиталей, стало очевидным особое значение психологической восстановительной работы для прифронтовых лечебных учреждений.

Практически мною разработан ряд методов лечения расстройств речи и речевого слуха, которые приняты к употреблению в специализированных эвакогоспиталях и встретили положительную оценку специалистов. Такой, например, является методика восстановления речевых функций при органических заболеваниях головного мозга[3], вызванных ранениями мозга или кровеносных сосудов (при афазии моторной, сенсорной, амнестической, при аграфии, алексии). Лечение этих органических болезней речи, практически мною осуществлявшееся, позволило и теоретически по-иному осмыслить механизмы внутренней речи – генетическое взаимоотношение устной и письменной речи, обнаружить новые факты в отношении речевого зрения. Работая над психопатологией речи при контузиях и коммоциях головного мозга, удалось не только практически устранять немоту и неврозы речи, но и проникнуть в коммуникативные механизмы устной речи, её интимные взаимоотношения с речевым, специфически-человеческим слухом[4], равно как и уяснить более глубокие, структурные посткоммоционные изменения личности ребёнка и больных.

В восстановительной психопатологической работе, особенно в прифронтовых условиях, чрезвычайно трудно разграничить теоретическое изыскание и практическое воздействие. Утверждённые советской наукой единство психологического изучения и педагогического воздействия получает своё дальнейшее подтверждение и развитие в госпитальной лечебно-педагогической (восстановительной) работе,

На опыте этой работы наглядно убеждаешься в том, насколько теоретически созрела наша наука, могущая участвовать непосредственно в разрешении огромной задачи, поставленной нашим вождём и полководцем И. В. Сталиным, – оказания широкой помощи раненым бойцам, командирам и политработникам нашей героической Красной Армии.

Оборонный опыт ряда психологических коллективов свидетельствует о том, что передовая наука в нашей стране составляет важнейшее средство укрепления обороны нашей родины.

Примечание

1См. нашу статью «О современном состоянии психологической науки в СССР», «Советская педагогика» № 5. 1941 г.

[2]См. «Невропатологию и психиатрию» № 7 1942 г. (статьи Лурия о восстановлении функции и Геллерштейна о трудтераппи и трудоустройстве.).

[3]См. работу «О психокортикальном восстановлении, при боевых черепно-мозговых травмах» («В помощь эвакогоспиталям», № 4-5. Тбилиси. 1942 г.*)*.

[4]См. работу «К лечению глухоты, немоты и логоневрозов посткоммоционного характера» (там же № 8 - 9). См. «К лечению расстройств установки при коммоциях» (тезисы октябрьской сессии Академик Наук ГССР, 1942 г.).